

ДУБАСОВА, Анжелика *(С.- Петербург, Россия)*

О ВАРИАТИВНОСТИ ИМЁН БАЛТИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

On the variability of names of Baltic historic personages

The issue of normativisation of names of historic personages from the Baltic states is discussed here for the purposes of research and popularizing the knowledge of them. On account of the specific cultural and historic aspects of these countries and the nature of their historic development in rendering the names of historic Baltic personages there inevitably appear some terminological doublets, even triplets sometimes. In the process of normativisation of these names the leading principles that should be followed should be the principles originally accepted in this respect: the degree of presentation of the name in the most authoritative authors; its distribution; legitimacy of the form by basic linguistic laws, i.e. the preservation of the principle for morphological and syntactic uniformity of terminology. This is particularly significant regarding historic names connected with the era of the so-called Great Kingdom of Lithuania. Illustrated by the name of one of its rulers it is inevitable to mention at least three names while describing his period of power or for other purposes: first Витаутас, which is the accurate Lithuanian form of the name; Витовт, which corresponds to the normative requirement in the approach of greatest frequency of use, since this is the most often encountered form of the name in the sources, and Витолд, inasmuch as it is the most widely used form in German and Polish media and is quite often come across in some sources. The principle of morphological and syntactic uniformity of terminology is well illustrated by examples of names which should correctly reflect the initial name when used in a foreign medium. Thus the name Abraomas Kulvietis in a foreign language, such as Bulgarian or Russian, should adopt the form Абрам Кулвински or Абрам Кульвинский, because the family name is derived from a toponym. On the whole, in this relatively clear situation side factors sometimes interfere among which subjectivity of description is most frequent and from this arise many incorrections and contradictions.

Keywords: normativisation, historic personages, the Baltic region, Vytautas, Witold, Вѣтайт, Vitovt the Great, Abraomas Kulvietis, Abram Kulvinskii

Терминологические дублеты – это слова, объединяемые особой терминологической соотнесённостью с одним и тем же научным объектом. Соотносятся они вследствие невозможности обнаружить существенное различие в обозначаемых ими объектах. “Если данные дублеты (триплеты и т. д.) лишь по-разному называют один и тот же объект, то при нормализаторском подходе от них надо стараться как можно скорее освободиться. Если же они дают возможность или же имеют целью выявить, грубо говоря, в этом же объекте разные стороны или аспекты, то их возникновение и употребление становится не только вполне оправданным, но и необходимым для развития научной мысли” (Ахманова 1966: 14).

Если, вооружившись этой идеей, мы обратимся к описаниям истории и культуры стран Балтии, мы окажемся в некоторой растерянности. Какие стороны или аспекты позволяют, к примеру, выявить в объекте повсеместно встречающиеся варианты “Витовт”, “Витольд”, “Витаутас”? То же касается целого списка не только великих литовских князей, но и иных политических и культурных деятелей балтийских народов. Здесь приходится констатировать отсутствие нормы, так как непоследовательные употребления характерны не только для текстов “обычных” людей, но и для энциклопедий, справочников и научных трудов, при этом в одних случаях авторами выбирается (без объяснений) какой-то один вариант, в других – наряду с основным, в скобках приводятся и другие. И в том, и в другом случае имеются свои недостатки: в первом случае у читателей разных текстов могут возникать сложности с идентификацией (*Витовт* и *Витольд* – это один исторический персонаж или два?), во втором – имя исторического персонажа фактически удваивается-утраивается, при этом никаких новых сторон или аспектов “дополнительные” имена выявить не позволяют.

Особенно очевидной проблема становится при попытке составления словаря имён балтийских исторических персонажей, основные трудности здесь следующие:

- наличие разных традиций передачи имён (древнерусск. *Витовт* – немецк. *Витольд*), ни одна из которых не стала общепринятой;
- проблема передачи литовских и латышских окончаний,
- субъективность описаний.

Поясню две последние проблемы.

1. Передача литовских и латышских окончаний на русский язык.

Что касается передачи *современных* литовских и латышских имён собственных на русский язык, то, хотя соответствующие стандарты до сих не утверждены, можно говорить о тенденции транскрибировать литовские и латышские окончания на русский язык согласно общим правилам (то есть современное литовское имя *Vytautas* может быть передано на русский язык только как *Витаутас* и никак иначе). Однако в случае имён собственных, имеющих иную традицию, возможна и русификация окончаний, т. е. замена литовских и латышских окончаний русскими. Например, такое исключение можно сделать для имён, носители которых не являются литовцами или латышами, а также – для имён великих литовских князей на основании традиции русификации, идущей со времён древнерусских летописей. (Вообще говоря, солидарность авторов летописей здесь даже удивительна и может быть примером для современных авторов; помимо всего прочего, отмечу и лингвистические способности авторов летописей: не зная литовского языка (по крайней мере, мне неизвестны свидетельства об обратном), определить, что *-ас* – это окончание, – не такая тривиальная вещь, как это может показаться).

2. Субъективность описаний

Описания, которыми снабжаются термины в различных справочниках, энциклопедиях и других текстах, могут содержать как фактические ошибки и неточности, так и эмоциональную оценку, которая (в описаниях стран Балтии на русском языке это, к сожалению, особенно актуально) искажает реальную ситуацию. Причины: не всегда дружелюбное, говоря мягко, отношение русских авторов к балтийским странам, а также отсутствие соответствующей достоверной и доступной информации на русском языке – далеко не каждый, кто так или иначе затрагивает в своём тексте балтийскую тематику, владеет литовским или латышским языком. Причём расхождения в описаниях у разных авторов могут быть значительными. Они наблюдаются не только между представителями различных направлений, но и между представителями разных наук, эпох, стран.

При составлении словаря указанные основные трудности могут быть решены следующим образом.

При наличии разных традиций передачи имён возможно воспользоваться критериями языковой нормы и сделать выбор, основываясь на одном из них, а именно (Берков 2004; Языкознание 1998):

- представленности обозначения у наиболее авторитетных авторов;
- распространённости обозначения;
- требовании соответствия обозначения основным законам языка, его важнейшим закономерностям (сюда входит соблюдение *принципа морфологического и синтаксического единообразия терминологических рядов*).

Тогда в случае *Витовт–Витольд* следует остановиться на первом обозначении, исходя из большей его распространённости. При этом однако, поскольку все тексты, где встречается *Витольд*, переписать невозможно, читатель должен получить информацию и о том, что существует и такое обозначение имени великого литовского князя.

Что касается проблемы передачи окончаний, то её решение вытекает из самого описания проблемы: для современных балтийских имён следует применять обычные правила транскрибирования (помня о том, что не все имена, написанные по-литовски или по-латышски, являются литовскими или латышскими), в то время как имена исторических персонажей с длительной традицией русификации и имена деятелей, имеющих не-балтийское происхождение, возможно передавать с русскими окончаниями. Относительно имён великих литовских князей отмечу, что собственное написание используют и польские исследователи (*Witold, Giedymin, Mendog* и др.).

Правда, несмотря на внешнюю простоту решения, его применение не всегда легко осуществимо. Скажем, известно, что многие деятели, внесшие значительный вклад в развитие литературного латышского языка и латышской культуры, были немцами, и целесообразность применения правил транскрибирования к латышским окончаниям таких имён вызывает сомнения; в частности, по-видимому, правильнее писать *Георг Манцель* (от *Georgs (Juris) Mancelis*), а не *Манцелис*, несмотря на распространённость последнего обозначения (напомню, что распространённость – один из критериев языковой нормы, то есть здесь возникает некоторый конфликт, и решение уже не однозначно). Ещё сложнее ситуация с вариантами *Кронвальд / Кронвалдс* (от *Kronvalds*). Если исходить из традиции и распространённости, то следует писать *Атис Кронвальд*, однако указанный персонаж, по всей видимости, был латышом, и поскольку XIX в. был веком культурного Возрождения латышей, было бы логично писать деятелей этого периода в латтонизированном варианте, то есть

в данном случае – *Атис Кронвалдс*. Здесь также приходится оставлять место для выбора. Что же касается палатализации *л* в этом примере, то в латтонизированном варианте её нет согласно правилам транскрибирования, а в русифицированном она есть по аналогии с *Грюнвальд* и под.

Проблема субъективности описаний – более сложная, поскольку выходит за рамки лингвистической науки. “Теоретически рассуждая, научный термин должен явиться завершающим этапом по отношению к научному исследованию соответствующих реальных объёмов” (Ахманова 1966: 6–7), однако на практике это не всегда так. На практике исторической науки это не так очень часто. По отношению к многим объектам и явлениям прошлого (и настоящего) народов Балтии всё ещё нет определённости, и они нуждаются в тщательном исследовании. Однако у составителя словаря не всегда есть возможность ждать завершения соответствующих исследований. Можно предложить следующую тактику объективизации описаний исторических персонажей: проверить все доступные современные справочники, сравнить определения авторов, пишущих на разных языках, и включить в описание лишь те утверждения, которые совпадают у разных авторов; в большинстве случаев сопоставление сведений из разных источников позволяет установить, какие сведения являются общепринятыми, а какие носят субъективный характер. Что касается справок о великих литовских князях, то в них можно указать такую информацию, как годы жизни (правления) и генеалогические сведения (отсылки к другим князьям) – как сведения, наименее подверженные субъективной интерпретации в различных исторических традициях. Безусловно, при таком подходе описания неизбежно будут очень краткими, но зато лишёнными каких-либо субъективных оценок, например:

ВИТОВТ – лит. *Vytautas, Vytautas Didysis*, пол. *Witold*, бел. *Вітаўт, Вітаўт Вялікі*. Варианты: Витаутас, Витовт Великий, Витольд.

(1350–1430, в крещении Александр)

Великий князь литовский (с 1392 г.), сын Кейстута.

Принцип морфологического и синтаксического единообразия терминологических рядов хорошо иллюстрируется следующим примером.

В русскоязычных текстах имя *Abraomas Kulvietis* передаётся как *Абраомас Кульветис* (неправильные варианты типа *Кулветис, Кулвие-*

тис, *Кульветис* здесь не рассматриваются). Однако *Кульветис* образовано по названию места (*Кульва*, ср. лат. *Culva* > *Culvensis*), и для русскоязычной традиции было бы естественно писать *Абрам Кульвинский*, так как такая модель давно существует в русском языке, особенно по отношению к именам деятелей Средневековья и Эпохи Возрождения, ср.: *Ян из Коханово* > *Ян Кохановский*, *Эразм из Роттердама* > *Эразм Роттердамский*, *Карл из Анжу* > *Карл Анжуйский*, *Ансельм из Кентерберри* > *Ансельм Кентерберийский*. По этому же принципу следовало бы писать *Петр Дусбургский* (а не *Петр из Дусбурга* и тем более не *Петр Дусбург*, как чаще всего пишут) и *Генрих Латвийский* (а не *Генрих Латыши*, так как обозначение связано с местом, а не с национальностью, кроме того, и в латышской традиции это прилагательное, т. е. *латышский*, а не *латыш*).

Таким образом, для устранения неоправданной вариативности имён балтийских исторических персонажей и культурных деятелей во многих случаях достаточно применить обычные критерии языковой нормы (возникающий в некоторых случаях конфликт нескольких критериев должен, по-видимому, устраняться волевым решением автора). Остаётся лишь удивляться, почему при простоте и очевидности такого подхода в современных русскоязычных текстах, касающихся стран Балтии, до сих пор нет единообразия в передаче имён собственных.

Литература

Ахманова 1966: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Берков 2004: Берков В. П. Двухязычная лексикография. М., 2004. 236 с.

Языкознание 1998: Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М, 1998. – 685 с.

Anzhalka Dubasava, PhD, Saint Petersburg State University, senior researcher. Scientific interests: Slavonic Linguistics, Baltic Linguistics, Indo-European Linguistics. 199034, St. Petersburg, Russia, Universitetskaya nab. 11, Dept. of General Linguistics, anzhalikad@gmail.com